

ЧАСОЗВОНЯ НА ВЛАДЫЧНОМ ДВОРЕ

Часовая башня (именно так обычно именовалась постройка в XVIII—XIX вв.) благодаря своему местоположению в центре двора архиепископа, своим размерам и архитектуре издавна привлекала внимание исследователей, однако вплоть до недавнего времени ее история была неизвестна или трактовалась неверно. В 1960-е годы при подготовке проекта реставрации московский архитектор А. В. Воробьев провел архивно-библиографические и натурные изыскания по памятнику, установил его датировку и основные этапы строительной истории. Проведенные в последние годы исследования подтвердили правильность главных выводов ученого, при этом получены некоторые новые данные, уточняющие и развивающие отдельные моменты.

В публикациях до середины XIX в. Часозвоню обычно датируют 1434 г.,¹ эта дата не имеет под собой основания и опирается, вероятно, на какие-то устные традиции. Известный исследователь архимандрит Макарий в своих трудах приводит иную, но близкую датировку — 1436 г., ссылаясь на летописные сообщения об устройстве боевых часов на Владычном дворе.² Несмотря на туманную информацию источников, где речь идет не о высотной постройке, а о «полате» архиепископа, эта датировка получила широкое распространение. Третья датировка предложена в 1939 г. А. Строковым и В. Богусевичем.³ Авторы отождествляют Часозвоню с упоминаемой в летописях «сторожней», о строительстве которой сообщается под 1443 г. («постави... владыка Еуфимей духовницу камену и сторожну камену в своем дворе»)⁴. Этот вывод без возражений принят всеми исследователями и прочно вошел в научный оборот. А. В. Воробьев доказал, что существующий памятник сооружен в 1673 г., но ему предшествовала другая высотная постройка («столп»), скорее всего, сторожня 1443 г., которая стояла в другом месте.

С датировкой сторожни не все так просто. В некоторых летописях, кроме сообщения о ее строительстве, имеется под другим годом известие о поставлении «часозвони», «часозвона»: «В лето 6957 (1449 г. — В. Я.) постави владыка Еуфимей часозвоню»⁵ (по другому списку летописи — «часъзвон»); «того лета 6958 (1450 г. — В. Я.) почал владыка Еуфимий детинець покрипливати и поставил на городе часозвон».⁶ Возникает вопрос: значит, Евфимий поставил на

¹ Корнилович М. О древних и новых зданиях Архиерейского дома // Северная пчела. 1833. 19 сент. № 21; Неронов И. Трое суток в Новгороде. СПб., 1842. С. 25; Славин А. П. Путешествие русского человека на поклонение ... Великому Новгороду. СПб., 1858. С. 85.

² Макарий, архим. 1) Описание Новгородского Архиерейского дома. СПб., 1857. С. 33; 2) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. С. 102.

³ Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939. С. 134—139.

⁴ НПЛ. С. 423; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 439; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 184.

⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 445.

⁶ Там же. Т. 16. Стб. 192.

Владычном дворе две высотные постройки — сторожню и часозвоню? Прямых доказательств «за» или «против» нет, но ряд косвенных аргументов свидетельствует, что здесь стоял один «столп». Нам представляется, что под «часозвоню» подразумевается не башня с боевыми часами, а собственно куранты, которые сняты с Владычной палаты и установлены на сторожне, где они лучше обозревались. В пользу того, что это одни и те же часы, говорит хотя бы их баснословная стоимость.

Впервые куранты на Руси появились в Москве в 1404 г. на дворе великого князя. Сделаны они византийским мастером и обошлись в 150 руб.⁷ (для сравнения: за строительство церкви Бориса и Глеба в Новгороде заплачено 53 руб., огромной церкви Никиты — 45 руб.). Вторые часы установлены Евфимием на своем дворе. Поскольку на Руси механические куранты делать еще не умели, они наверняка импортированы из Западной Европы, скорее всего, из северной Германии.

Другая сложная проблема — локализация сторожни (часозвона) XV в. Источники на этот счет весьма скупы. Летопись Авраамки отмечает, что часозвон поставлен «на городе» (т. е. на крепостной стене). Новгородская третья летопись уточняет: «часы устроил каменные в саду, близ стены каменной градной».⁸ «Повесть об архиепископе Евфимии» помещает столп «посреди сада... на высоте месте».⁹ Хронограф XVII в. также связывает постройку с кремлевской стеной: в 1671 г. «паде каменный столп и городовые стены каменного города... сажан с пятнадцать нутренные стены, а на лица остася цела, и часы спали и розломалися...».¹⁰ Целый ряд документов XVII в. позволяет более точно локализовать постройку: они помещают ее между Митрополичьей и Федоровской башнями, ближе к последней, и связывают с крепостной стеной. Так, источник 1639 г. сообщает, что «на каменном городе на прясле, что против Софейского двора промеж круглой башни и часов, взломало бурею» (кровлю)...¹¹ В описях оборонительных сооружений 1676 и 1688 гг. Федоровская башня именуется «круглой подле часов»¹² (столп к этому времени уже разрушился, но за башней сохранилось старое название).

Небогатый иконографический материал (икона «Видение пономаря Тарасия», шведский план осады Новгорода, рисунки иностранных путешественников А. Мейерберга и Н. Витсена) дает мало информации по данному вопросу, но не противоречит указанной локализации.

Раскопками А. Л. Монгайта, а позднее М. Е. Алешковского и А. В. Воробьева между двумя круглыми башнями кремля вскрыты остатки так называемого «Архиепископского дворца» — огромного здания, примыкающего к крепостной стене, сооруженного Евфимием

⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 77.

⁸ НЛ. С. 270.

⁹ Повесть об архиепископе Евфимии // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 20.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 317.

¹¹ Новгород Великий в XVII веке: Документы по истории градостроительства. М., 1986. С. 89.

¹² Там же. С. 159; Токмаков Н. Новгород 200 лет тому назад. Новгород, 1888. С. 13.

в 1430—1440-е годы, а в конце XV в. перестроенного одновременно со стенами и башнями.¹³ «Дворец» включал в себя множество различных помещений, среди которых обнаружена прямоугольная в плане камера (6,5 × 3,6—4,1 м) с поразительно толстыми, до 3 м, стенами, находящаяся почти на равном расстоянии от круглых башен, несколько ближе к Федоровской. Исследователи объяснили наличие столь мощных стен высотой постройки и предположили, что именно здесь и стояла Евфимьевская сторожня.¹⁴

А. В. Воробьев в одной из поздних публикаций подтверждает свою локализацию столпа XV в. весьма осторожно и с оговорками, допуская, что он мог находиться между Федоровской и Владимирской башнями.¹⁵ Исследователя смущает, видимо, указание некоторых источников на то, что постройка стояла «в саду», а архиерейский сад традиционно размещался в северо-восточной части кремля. Однако на Владычном дворе имелось еще несколько садов, меньших по размерам, и один из них располагался как раз между Федоровской башней и Грановитой палатой; он обозначен, например, на планах детинца начала XIX в., упоминается в документах XVII—XVIII вв.¹⁶

Таким образом, весь комплекс источников доказывает правильность локализации сторожни М. Алешковского и А. Воробьева.

Следующий важный вопрос — о функциональном назначении постройки, ее архитектуре, происхождении подобного типа зданий.

В том, что это был именно столп, одно из самых высотных сооружений Новгорода, сомнений нет. Об этом говорят и текстовые документы, и иконографический материал. «Повесть об архиепископе Евфимии» (середина XV в.) говорит, что владыка «столп камен зело высок посреди сада своего на высоте месте водрузив, имущ и часы верху вельми предивны, иже весь мир оглашают».¹⁷ Перечисленные выше ранние изображения XVI—XVII вв. представляют постройку очень высокой, выше крепостных башен и уступающей разве что Софии. Это была главная вертикальная доминанта в силуэте города.

В отношении архитектурного решения столпа иконографический материал дает неоднозначные сведения. Ясно лишь, что сторожня была монументальным прямоугольным в плане сооружением без выраженного деления на ярусы, с минимумом декора; вверху имелись проемы звона (один или два на каждой грани); шатровое покрытие, вероятно, с наблюдательной площадкой наверху.

Судя по всему, первоначальная функция столпа была главным образом военно-оборонительной: он был задуман как высотный наблюдательный пункт, а в случае осады являлся боевой башней по аналогии с западноевропейскими донжонами. Но, видимо, с самого начала сторожня играла также роль символа могущества архиепископа. После установки курантов репрезентативная функция постройки усилилась: она превратилась в одну из главных достопримечательностей Новгорода.

¹³ Алешковский М. Е., Воробьев А. В. Новгородский кремль. Л., 1972. С. 46.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Воробьев А. В. К датировке Часозвони Новгородского кремля // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 120.

¹⁶ Новгород Великий в XVII в. С. 123, 171, 280.

¹⁷ Повесть об архиепископе Евфимии. С. 20.

Каково же происхождение столпообразных построек? Эта проблема до сих пор не решена. Первым таким сооружением обычно считают церковь «под колоколы» Иоанна Лествичника в Московском кремле (1329 г.).¹⁸ О ней, однако, почти ничего не известно, и то, что она напоминала столп, не доказано. Вторая столпообразная постройка и первая на Руси «часозвоня», или «часобитня», появилась там же в Московском кремле, в 1404 г.¹⁹ Третье по хронологии строение — евфимьевская сторожня, а затем «хутынский столп» 1445 г. Таким образом, рассматриваемый памятник является одним из первых на Руси столпообразных зданий.

Исследователь колоколенных сооружений В. В. Кавельмахер считает, что часозвони XV в. послужили прообразом всех древнерусских ярусных и столпообразных построек. Он указывает на их западноевропейское происхождение, усматривает большое сходство часобитен с итальянскими кампанилами (звонницами).²⁰ Выделенные ученым архитектурные особенности часобитен и кампанил полностью совпадают с указанными выше характерными чертами новгородской сторожни. Но если зодчество Москвы в XV в. находилось в известной степени под влиянием южных (византийских, итальянских) мастеров, то Новгород, особенно в период правления Евфимия (1428—1458 гг.), имел тесные контакты с Ганзейским союзом. В летописях зафиксировано участие «немецких» зодчих в строительстве новгородской Владычной палаты (1443 г.), и есть основания полагать, что они работали здесь в 1440-е годы.²¹ Учитывая необычность архитектуры сторожни (столпообразный объем при прямоугольном плане, наличие курантов), можно сделать вывод, что она сооружена по образцу западноевропейских ратушных башен.

В 1671 г. «столп строения Евфимия» обрушился, и через два года был сооружен новый, уже в другом месте. Новгородский хронограф под 1673 г. отмечает: «Повелением преосвященного Иоакима, митрополита Новгородского, в Великом Новеграде поставлены быша часы на владычнем дворе возле ворот и притвора церкви святого Сергия, и учиниша столп высок добре, и часы боевые устроиша и указное колесо».²²

Данные, полученные в последние годы, позволяют высказать гипотезу об авторстве этого интересного памятника. Из источников известно, что примерно в это время капитально перестраиваются почти все здания Владычного двора и в этих работах участвует артель мастеров из Тихвина. Петербургский исследователь Е. П. Варакин, изучавший деятельность тихвинских строителей, полагает, что в Новгород была направлена артель под руководством молодого каменщика Якова Агапитова (впоследствии он — известный зодчий и организатор строительства, «подмастерье каменных дел»). Можно считать доказанным, что Я. Агапитов строил Лихудов корпус

¹⁸ Ильин М. А. Русское шатровое зодчество: Памятники середины XVI века. М., 1980. С. 21.

¹⁹ Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 66.

²⁰ Там же. С. 67.

²¹ Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991. С. 34.

²² Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века. С. 320.

Рис. 1. Изображение Часозвони на Михайловской иконе. Фрагмент. Прорись.

(1670 г.) и северную часть Никитского корпуса (1672 г.), а также не дошедшие до нас Казенный приказ, церковь Петра и Никитские кельи (1669 г.). Вполне логично допустить, что под руководством этого мастера сооружена и Часовая башня. Сторожня упала в 1671 г., в самый разгар деятельности тихвинских строителей в кремле; было ясно, что, возможно, придется ставить новый столп. Странно, если бы для этой цели пригласили артель со стороны, если здесь уже работала группа опытных каменщиков. С другой стороны, из документов по Тихвину следует, что артель Я. Агапитова вернулась туда только в 1675 или 1676 г.²³ Для проверки данной гипотезы необходимы специальные исследования в контакте с петербургскими специалистами.

Как показали работы А. В. Воробьева, Часозвоня сохранилась без капитальных перестроек, только ее верхняя часть несколько раз переделывалась. Здесь мы подходим к одному из самых сложных и спорных вопросов — о форме первоначального завершения, а следовательно, о научной обоснованности проведенной реставрации.

Имеется немало изображений Новгорода или кремля, на которых видна Часовая башня — это Михайловская, Знаменская и Флоро-Лаврская иконы (конец XVII—начало XVIII в.), целый ряд гравюр первой половины XVIII в. Однако данные источников порой не согласуются между собой. На Михайловской иконе²⁴ — наиболее подробном, достаточно достоверном и, возможно, самом раннем изображении — памятник представлен с деревянным завершением в виде двух рядов кокошников, барабана и главы с крестом (рис. 1); другие

²³ Варакин Е. П. Формирование самостоятельной строительной артели в XVII в. в Тихвине: Доклад на научной конференции в Тихвине в ноябре 1987 г. Рукопись.

²⁴ Новгородский музей, инв. № 7637. Опубликовано: Гусев П. Л. Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913.

Рис. 2. Часовня и церковь Сергия Радонежского. Вид с юга.
Чертеж Н. Григорьева. 1910 г.

иконографические источники показывают Часозвоню с высоким шатром и смотровой площадкой.

Для объяснения этого противоречия А. В. Воробьев выдвинул весьма логичное предположение: первоначальное завершение с кокошниками отражено на более ранней Михайловской иконе, а другие изображения фиксируют новое покрытие, появившееся, скорее всего, по приказанию Петра I после поражения шведов к Новгороду, царь поспешно приводит в порядок городские укрепления: по свидетельству современника, в 1700—1701 гг. «в Новгороде и Пскове... рвы копали и церкви ломали, полисады ставили с бойницами, так же и раскаты делали... а башни насыпали землею... а верхи с башен деревянные и с города кровлю деревянную всю сломали».²⁵ Вероятно, в условиях военного времени появилась необходимость в высотном наблюдательном пункте, и на Часозвоне устроен шатер со смотровой площадкой.

Итак, многие аргументы говорят о том, что первоначально памятник завершался двумя ярусами кокошников и барабаном с главой. Подобное венчание характерно для столпообразных храмов «под колоколы» XVI—XVII вв., к кругу которых можно отнести и Часовую башню.²⁷ Хотя у нас нет сведений, что здесь находился престол, она все же могла считаться культовым зданием, поскольку второй ярус служил папертью примыкающей с востока церкви Сергия Радонежского. Однако не решен вопрос о материале завершения. На Михайловской иконе оно представлено деревянным. Л. Е. Красноречьев, опираясь на натурные исследования, также полагает, что верх не мог быть каменным.²⁸ Но храмы «под колоколы» имели обычно кирпичную венчающую часть, к тому же трудно представить себе, что центральная постройка Владычного двора, главная доминанта города, завершалась ненадежной деревянной конструкцией.

Шатер на башне простоял недолго и в середине XVIII в. был заменен барочным покрытием в виде купола, площадки звона над ним и шпиля,²⁹ которое с незначительными изменениями существовало до 1941 г. Имеется целый ряд чертежей и фотографий памятника XIX—начала XX в., по которым можно легко реконструировать это завершение (рис. 2).

Удалось проследить историю курантов, механизм которых уничтожен во время Великой Отечественной войны. Большинство исследователей датировали башенные часы XVII в., некоторые даже относили их к XV столетию. В действительности же они более позднего происхождения. В 1745 г. на Владычном дворе случился пожар, когда «на боевых каменных часах деревянной шпиль (сторел. — В. Я.) ... и колокола растопились».³⁰ Ясно, что механизм был уничтожен огнем и вскоре были установлены новые куранты: в конце того же

²⁵ Воробьев А. В. К датировке Часозвоня. С. 121.

²⁶ Записки русских людей: Записки Желябужского с 1682 по 1710 г. СПб., 1841. С. 81.

²⁷ Ядрышников В. А. Новгородские храмы «под колоколы»: Доклад на научной конференции, посвященной памяти Г. М. Штендера. Новгород, октябрь 1993 г. (В печати).

²⁸ Сообщено Л. Е. Красноречьевым.

²⁹ Впервые упоминается в 1754 г. (РГИА, ф. 796, оп. 35, д. 353, л. 3).

³⁰ Там же.

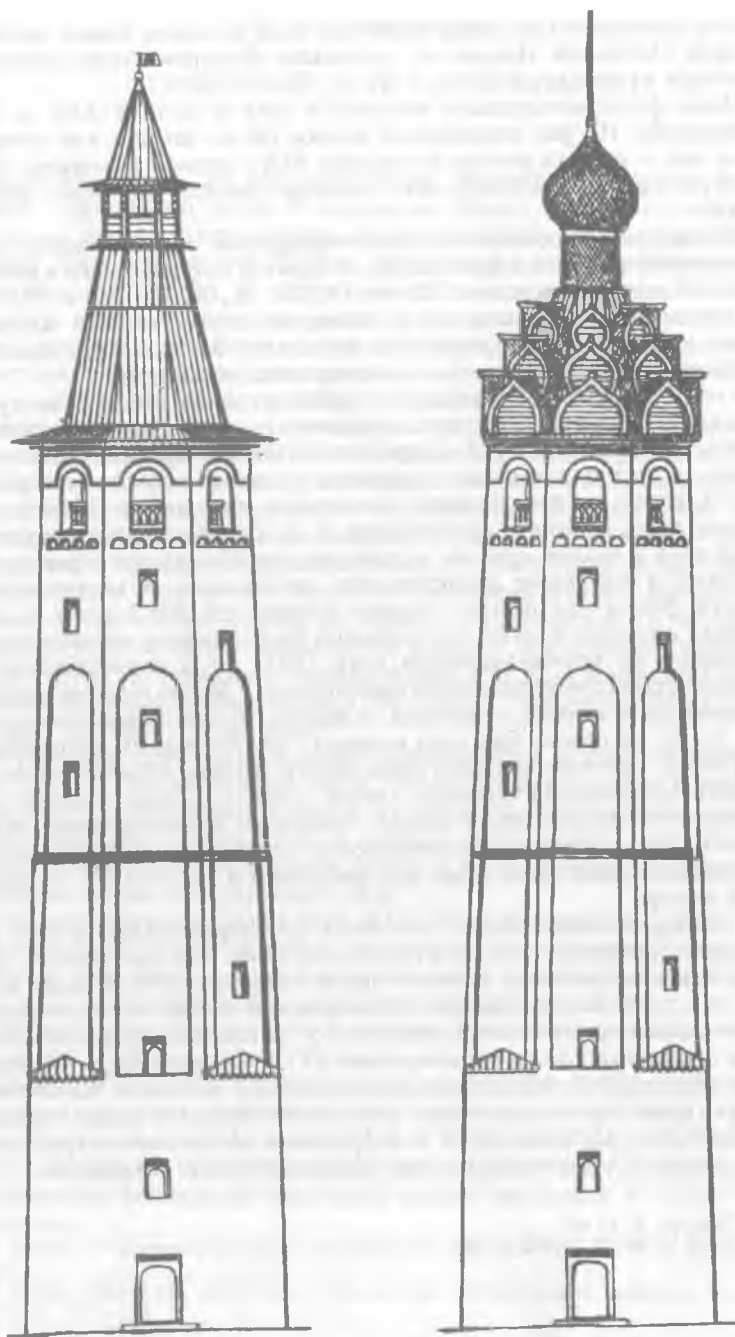

Рис. 3—4. Варианты деревянного завершения Часозвони по А. В. Воробьеву: с тремя рядами кокошников и главой, с шатром и смотровой площадкой.

года на архиерейском дворе работали «для делания новых часов часоводец Пантелей Иванов со учеником Федором Алексеевым и с прочими кузнецы...».³¹

Часы функционировали недолго и уже в начале XIX в. были неисправны. Не раз поднимался вопрос об их замене или ремонте, но он так и не был решен: в течение XIX—первой половины XX в. куранты не действовали, хотя звонарь иногда вручную отбивал время.

Обнаружена любопытная опись «башенным часовым колоколам». Из нее следует, что на ярусе звона (открытой площадке над куполом) висели 9 колоколов весом 12, 16, 24, 35, 38, 55, 70, 96 и 413 кг.³² Механизм часов приводился в движение двумя гириями весом по 160 кг, гиревой колодец проходил по центру башни, спускаясь с девятого до третьего яруса, т. е. занимал весь восьмерик.

В годы Великой Отечественной войны утрачены механизм курантов и все деревянные конструкции здания — завершение, перекрытия ярусов, лестницы. В 1945 г. проведены первоочередные ремонтные работы, устроено временное покрытие в виде невысокого шатра.

Подготовка к реставрации памятника началась в 1964 г. Под руководством опытного архитектора А. В. Воробьева, автора реставрации стен и башен кремля, в течение нескольких лет проводились архивные и натурные исследования, составление и корректировка проекта. Проект на разных стадиях готовности обсуждался на пяти научных советах. В духе того времени было решено реставрировать Часозвоню на первоначальную дату (1673 г.) и подготовлено несколько вариантов деревянного завершения: с двумя и тремя ярусами кокошников и главой, с шатром, с шатром и смотровой площадкой (рис. 3—4). За основу был взят вариант с двумя рядами кокошников, и к 1969 г. рабочие чертежи были почти готовы. Однако после последнего обсуждения проекта (июль 1969 г.) было решено реставрировать завершение в камне; главными достоинствами нового варианта были, видимо, долговечность, надежность конструкций. В кратчайшие сроки проект был переработан и в 1969—1971 гг. воплощен в натуре.

С позиций современного состояния реставрационной науки реставрацию Часозвони нельзя считать научной. Как мы видели, данных для восстановления верхней части в формах XVII в. явно недостаточно, наличие же каменного завершения вообще не подтверждается ни одним источником. Единственно правильным решением была бы реставрация купольного покрытия XVIII—начала XX в. Оно имело удачные пропорции, хорошо вписывалось в комплекс памятников кремля, существовало довольно длительное время и зафиксировано на подробных чертежах 1910 г. В будущем необходимо вернуться к этому вопросу и провести научно обоснованную реставрацию.

³¹ Там же. Л. 11 об.

³² ОПИ НГМ, № 11305, д. 35.